

*ЩЕГЛОВА Евгения Петровна,
член Союза российский писателей
и Союза писателей Санкт-Петербурга,
член Совета Союза писателей Санкт-Петербурга,
председатель Секции критики и литературоведения
(Россия, Санкт-Петербург)*

ЮРИЙ СЛЕПУХИН И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В последней статье Виктора Некрасова — она называется «Об «окопной правде» и прочем», напечатана в эмигрантском журнале, — этот замечательный писатель, в сущности, родоначальник нашей настоящей, не лживой, не парадной военной литературы, приводит слова Василя Быкова. Слова вроде бы простые, но это тот случай, когда каждое слово — на вес золота.

Вот что там сказано. «От умения жить достойно очень многое зависит в наше сложное, тревожное время. В конечном счете именно наукой жить достойно определяется сохранение жизни на Земле. Жить по совести нелегко. Но человек может быть человеком, и род человеческий может выжить только при условии, что совесть людская окажется на высоте...».

После этих слов Быкова Некрасов в своей статье написал: «Как хорошо сказано... Да, жить по совести нелегко... А если к тому же запрещено? А может быть, даже и наказывается? С каким трудом пробивалась та самая, то пацифистская, то ремарковская «окопная правда» про Великую нашу Отечественную войну». Заканчивалась статья Некрасова нестерпимо горькими строками: «Бог ты мой, как трудно быть русским писателем. Как трудно жить по совести...»¹.

Как трудно жить по совести... Как трудно писать по совести...

Эти размышления двух выдающихся военных прозаиков всегда вспоминаются мне, когда речь заходит о военной прозе Юрия Слепухина, главным образом о его тетралогии: романах «Перекресток», «Тьма в полдень», «Сладостно и почетно» и «Ничего кроме надежды».

¹ Цит. по: *Лазарев Л.* Жить по совести нелегко... // Дружба народов. 2006. № 5. С. 202.

Тетралогия эта давно стала почти классикой гигантского пространства отечественной военной литературы и заняла в ней особую, только ей присущую нишу. Не стоит даже перечислять имена, прославившие эту литературу: всему миру известна проза В. Астафьева, Г. Бакланова, Ю. Бондарева, К. Воробьева, Вяч. Кондратьева, Б. Балтера, В. Богомолова, Э. Казакевича, Вас. Гроссмана, В. Семина, К. Симонова, Б. Окуджавы, уже упоминавшихся В. Быкова и В. Некрасова, — чтобы понять, что мы имеем дело с крупнейшим явлением даже не отечественной, но мировой литературы.

А ведь через что только не проходила она в течение своей 70-летней послевоенной истории: и лакировали-то в ней войну вдосталь, до омерзения, и гениальных стратегов-военачальников прославляли (не упоминая, разумеется, сколько зачастую именно по их вине полегло солдатских жизней, — миллионы, «мы завалили немца не бомбами, кровью своей утопили», сказал В. Астафьев²), и через «лейтенантскую» правду она прошла, и через солдатскую, «окопную», и лирических страниц в ней было достаточно, а уж трагических — так чуть ли не больше, чем обо всех прежних войнах, вместе взятых. Сама ее история уже стала, пожалуй, вполне законченным сюжетом — этакий многоплановый роман со взлетами, падениями, всяческими перипетиями, не говоря уж о том, что литературное военное поле, ежели посмотреть на него с соответствующей высоты, расчерчено наподобие полевой карты гигантского масштаба. Вот тут — равнина с речками и озерами, тут — сплошной лес, тут — непроходимое болото, там — тундра, а ниже — горы, степи, перелески...

К тому же, как сейчас это все отчетливее выясняется, карта эта была сильно затуманена, да и с направлениями там было далеко не все в порядке, словно и впрямь предназначалась она не для верного по ней ориентирования, а исключительно для запутывания врага.

...Юрий Слепухин оставил в лучшей отечественной военной прозе совершенно особый, уникальный след. Он не был фронтовиком,

² Неопубликованное интервью Виктора Астафьева : из встреч с сибирской интеллигенцией. Томск, Красноярск / подгот. А. Сотников // Новый Берег : лит.-обществ. журн. : электрон. версия на рус. яз. Копенгаген, 2004. № 5. URL: <http://novijbereg.net/art.php?art=77> (дата обращения: 06.11.2017).

как большинство авторов этой прозы: по возрасту он, сложись его биография иначе, мог бы попасть на фронт лишь в самом конце войны. Но судьба распорядилась так, что он, живший до войны в Ставрополе, оказался вместе с семьей в оккупации, затем — в Германии, где находился в лагере для восточных рабочих, а позже батрачил в помещичьей усадьбе барона Гюльхера. Освобожден он был войсками союзников и в дальнейшем вывезен англичанами в Бельгию, где тесно общался с русскими эмигрантами; спустя два года оказался в Аргентине.

Такой сложнейший, совершенно особый жизненный путь, разумеется, определил основные приоритеты его творчества и позволил Ю. Слепухину занять свое, очень специфическое место в литературе, — в частности, именно он рассказал, зачастую впервые в отечественной прозе, правду о жизни мирного населения в оккупации и подпольной борьбе, приводившей к огромным потерям ни в чем не повинного населения, о немецких рабочих лагерях, о русских эмигрантах, потомках аристократических родов, большинство представителей которых были ярыми русскими патриотами. Хотя в его военной тетралогии, исключительно богатой по жизненному материалу, есть и картины сугубо военного быта (линия, связанная с пребыванием на фронте главного героя — Сергея Дежнева, попавшего туда 20-летним неумелым новобранцем и выросшего к концу войны до майора), и отображение жизни в оккупированном степном украинском городке (линия Тани Николаевой, главной и любимой героини писателя), и жизнь в фашистской Германии (куда попадает Людмила Земцева, Танина подруга, а позже и сама Таня), и масса тонко и точно воспроизведенных картин — точнее, панорам,— жизни России, попавшей под страшное военное колесо.

Но что глубоко характерно именно для отечественной военной прозы и что объединяет очень разных писателей, что, в конце концов, делает эту прозу явлением именно русской литературы, естественно и органично впитавшей в себя лучшие традиции классики, — это интерес прежде всего не к войне как таковой, а к нравственному миру человека, оказавшегося, волею исторических обстоятельств, на войне. И не важно, простой ли он солдат, житель ли временно оккупиро-

ванной части страны, генерал, интеллигент, рабочий или колхозник, — его внутренний мир, его поведение в таких сверхчрезвычайных, трагических обстоятельствах, как война, — вот что определяет суть нашей лучшей, настоящей военной прозы.

Глубоко пацифистской по самой своей природе — вот что самое главное. Глубоко враждебной тоталитаризму в любой его форме, ибо тоталитаризм есть прежде всего ненависть и нетерпимость — к человеческому уму, достоинству, культуре, свободе, правде. Тоталитаризм и тесно связанное с ним насилие, которое он порождает совершенно органически, и есть, в сущности, причина войн, потрясших мир в XX столетии.

Вот почему и у В. Быкова, и В. Астафьева, и у Г. Бакланова, и у Ю. Слепухина, и у всей массы военных прозаиков так сильны в книгах прежде всего антитоталитарные, антимилитаристские мотивы. Хочется заметить, что именно во втором романе тетралогии — «Тьма в полдень» — Ю. Слепухин с поразительной силой правды и, пожалуй, по времени впервые в советской литературе (вышел роман в 1969 г., время глубокого застоя) обрисовал трагизм жизни на оккупированной территории и одновременно глубокую противоречивость, трагичность подпольной борьбы в тылу врага, коснувшись темы, прежде рисовавшейся совершенно в ином ключе. Стоит только вспомнить канонический для советской литературы и — шире — для типично советского мировоззрения роман А. Фадеева «Молодая гвардия». Не буду касаться массы претензий к реальной стороне романа, имеющей очень мало общего с действительностью, — не в них суть. Суть в том, что его герои не столько живые люди, личности, со своими проблемами, горестями, непростыми обстоятельствами и т. д., сколько персонажи сугубо идеологизированные.

Тут нельзя не вспомнить замечательную мысль Ф. Искандера. «Идеологический человек, — написано у автора, — не может сказать: а что моя совесть при свете вечности? Такой вопрос просто не возникает, потому что личная совесть отдана идеологии, а вечность отменена. Ее заменяет мессианский финиш идеологической цели»³.

³ Искандер Ф. Поэты и цари. М. : Журн. «Огонек», 1991. С. 24.

Совершенно не то, что в сугубо «соцреалистическом» фадеевском романе, рисует на страницах своих книг ярый гуманист, пацифист и вместе с тем русский патриот Ю. Слепухин. Его Сергей Дежнев, прошедший войну, не раз раненый, видевший самую изнанку чудовищной бойни, попав в свой родной городок после его освобождения от оккупации и узнав, что его любимая, будучи связана с подпольем, исчезла, а скорей всего, погибла, мучительно думает: «Кто придумал эту проклятую “подпольную деятельность” в немецком тылу, какой от нее был толк, какая кому польза?»⁴ В самом деле: войска, состоящие из здоровых и хорошо вооруженных мужчин, отступили, а отвечать за то, что они остались во вражеском тылу, приходится женщинам, старикам и подросткам, да еще как отвечать... На которых вдобавок из государственных верхов сыплются совершенно человеконенавистнические приказы — уничтожить в тылу врага все запасы продовольствия (т. е. обречь население — а такого в оккупации было около 60 миллионов — на голодную смерть), убивать фашистов повсюду и всеми подручными средствами (хотя «верхи» прекрасно знали, что немцы за эти убийства жестоко мстят ни в чем не повинным людям), пускать под откос вражеские эшелоны (за что немцы сжигали окрестные деревни дотла)...

Кстати, именно здесь просматривается глубокая внутренняя схожесть в отношении к подпольной борьбе в тылу врага у Ю. Слепухина и Василя Быкова. Знаменитый белорусский писатель, чья родина потеряла в войну более трети своего населения, как никто понимал трагичность этой борьбы, ибо тоже, как и Ю. Слепухин, был прежде всего гуманистом. Здесь же — и размышления о партизанах и «партизанщине» прекрасного писателя-документалиста Алеся Адамовича, который, кстати, партизаном был сам. Вблизи того украинского городка, где происходят события тетралогии Ю. Слепухина, партизан нет, ибо городок степной. Но подпольщики в нем все-таки есть — это совсем молодые ребята, по возрасту не попавшие в армию, но жаждущие хоть как-то бороться с врагом, при этом зачастую безрассудные, отчаянные совсем по-детски, за что расплачиваются невинные жители города. Ведь за каждого уби-

⁴ Слепухин Ю. Ничего кроме надежды // Слепухин Ю. Г. Избранное : в 5 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 574.

того немца, чем так гордится юный «герой», под расстрел попадает масса людей, просто оказавшихся рядом. И катится по городку страшный смертный вихрь, втягивая все новые и новые жертвы...

Зная все это, другой герой Ю. Слепухина — Леша Кривошеин, бывший комсорг, — крайне острожен в своей подпольной борьбе. Он бережет людей — редчайший случай в военной действительности! Он, в этих жесточайших обстоятельствах, не утратил совесть, не отдал ее (вспомним Ф. Искандера) идеологической цели. Ведь ситуация, которую рисует писатель, не просто крайне сложна — она, по сути, безвыходна. Мириться с господством на родной земле врага — невозможно; но как посылать людей уничтожать врагов, если непременно жертвами будут те, кто к убийству непричастен? Пожалуй, такой дилеммы прежняя русская литература о войне не знала. Хотя и тоталитаризма тогда, в относительно тихом XIX веке, в России не было. Но — судя по яростному накалу, с которым обращалась к читателю в начале минувшего века отечественная проза, — она его приход предчувствовала. По сути, вся последняя публицистика Л. Толстого — предчувствие грядущего фашизма.

Война, изображенная в книгах Ю. Слепухина, враждебна прежде всего самой человеческой природе. Она не только истребила почти целиком поколение, родившееся в начале 20-х, о чем говорится в тетралогии, ибо главные ее герои — школьники выпуска 1941-го. (Тут сразу вспоминается Д. Самойлов с его знаменитым: «Они шумели буйным лесом, / В них были вера и доверье. / А их повыбило железом, / И леса нет — одни деревья»⁵). Она исковеркала судьбы и оставшихся в живых, чему примерами несложившиеся, тяжкие судьбы Тани и Сережи, нелегкая доля русского эмигранта, горячего русского патриота Болховитинова, страшная участь тех солдат, что, оказавшись в плену, пошли — часто не по своей воле — в армию Власова и, любя родину, стали ей врагами... Ю. Слепухин прекрасно понимал всю непомерную сложность этого вопроса — вопроса о власовцах, и, не оправдывая предателей, словно призывает читателя проникнуться

⁵ Самойлов Д. Перебирая наши даты // Самойлов Д. С. Стихотворения. СПб., 2006. С. 113. (Новая библиотека поэта).

их ситуацией, понять, что не только они изменили родине, но и родина — в страшную эпоху террора, коллективизации, сгубившей российское крестьянство, — предала их...

Пожалуй, именно здесь видится перекличка идей тетралогии Ю. Слепухина с последней прозой В. Астафьева. Именно в романе «Прокляты и убиты» выдающийся писатель обрушивается на страшную военную тоталитарную машину, сгубившую, как он убежден, Россию, поистине с библейскими проклятиями. Он не щадит ни бездарных военачальников, ни трусливых «штабников», ни государственные верхи, посылающие нередко на напрасную гибель цвет российской нации, ни само государственное устройство, позволившее развернуться на гигантской российской территории самому настоящему апокалипсису.

«Мы как-то забыли, — сказал он в одном из интервью, — что победу мы добыли огромнейшим потоком крови, страшной травмой нашей русской нации. Опустела Россия из-за потерь на войне и опустела из-за того, что мы бездарно воевали. <...> И — победили, слава Богу. Но не дай Бог, чтоб еще одна такая победа к нам пришла. Тогда нас просто не станет»⁶.

Здесь словно слышится финал последнего романа тетралогии Ю. Слепухина, когда Таня Николаева, вернувшись в свой городок после фантастических скитаний чуть ли не по всему миру, думает, сидя у того места, где погиб спасший ее от смерти друг-одноклассник: «Ах, мальчики из десятых классов, выпускники сорок первого года, как же расточительно, с какой безжалостной и бездумной щедростью распорядилась вами родина...»⁷.

Здесь же, рядом, — и проза К. Воробьева (особенно его повесть «Убиты под Москвой», повествующая о гибели кремлевских курсантов, своего рода гвардии советского времени), и Булата Окуджавы (повесть «Будь здоров, школяр!», рассказывающая о 20-летнем парнишке, для войны совершенно не приспособленном, но не сдавшемся), и «Сашка» Вяч. Кондратьева — повесть о юном солдате, до предела изможденном немислимым бытом войны, у которого нет сил даже на краткую фронтovou любовь...

⁶ Неопубликованное интервью Виктора Астафьева ...

⁷ Слепухин Ю. Г. Ничего кроме надежды. С. 982.

Особое место в тетралогии Ю. Слепухина занимает роман «Сладостно и почетно», действие которого происходит в фашистской Германии. Его герой — немец-физик Эрих Дорнбергер, участник антигитлеровского заговора, погибший в несчастливую для себя и всего заговора минуту. Но еще точнее будет сказать, что подлинный герой романа — интеллигенция, к какой бы нации она не принадлежала. Интеллигентен, а значит, абсолютно враждебен фашизму не только Эрих; ученый-искусствовед Иоахим Штольниц, по роду своей деятельности от войны крайне далекий, тоже принимает участие в борьбе и гибнет — как погиб уже на русско-немецком фронте школьный учитель Фишер, отправленный в самое пекло войны после того, как он отказался быть комендантом в лагере для восточных рабочих... Интеллигенция и война — особая и очень многоплановая тема, ее в известной мере касались и Б. Окуджава, и Г. Бакланов («Навеки — девятнадцатилетние», «Июль 1941 года»), и Б. Балтер («До свидания, мальчики»), и В. Гроссман в своем великом романе «Жизнь и судьба». Именно интеллигенция, притом настоящая, а не прикидывающаяся таковой, — по словам М. Булгакова, «лучший слой в нашей стране»⁸ — стала становым хребтом воюющей страны, оставаясь, как это было на Руси веками, негибаемой, честной, прямой, бесстрашной.

...Не счесть литературы, посвященной Великой Отечественной войне. Ее и не перечесать всю. Что-то уходит в прошлое, что-то естественным образом исчезает — как исчезла литература, написанная барабанными палочками и под звон победных фанфар. Но литература гуманистическая, честная, правдивая, отважная, не боящаяся правды, та самая, которой так нелегко жилось именно у нас, в стране, потерявшей десятки миллионов собственных граждан, — она вечна. Почти ушло поколение той далекой войны, и отношение к ней в чем-то изменилось. Но устареть литература, написанная кровью сердца, — не может.

Поэтому всегда будут перечитываться лучшие военные книги, среди которых — и книги Юрия Слепухина.

⁸ Булгаков М. А. Правительству СССР : письмо, 28 марта 1930 г. // Новый мир. 1987. № 8. С. 196.

Аннотация: Автор статьи анализирует творчество писателей военного поколения — В. Некрасова, В. Быкова, В. Астафьева, К. Воробьева, Г. Бакланова, В. Семина и др., сопоставляя основные мотивы их произведений с тетралогией Ю. Слепухина. Определены основные приоритеты творчества Ю. Слепухина — глубокий гуманизм его книг, их антивоенная направленность, честное и серьезное, предпринятое впервые в советской литературе, отображение жизни мирного населения в оккупационное время.

Ключевые слова: Военная проза, оккупация, тоталитаризм, подпольная борьба, пацифизм.

Annotation: Author of the article analyzes the creative work of the Great Patriotic War's generation of writers, such as V. Neckrasov, V. Bykov, V. Astaf'ev, K. Vorob'ev, G. Backlanov, V. Semin & others, comparing the main literary motifs of their works with the tetralogy by Y. Slepukhin. The main priorities of Yu. Slepukhin creative work are defined: the profound humanism of his novels, their antimilitary orientation, the honest & serious, undertaken for the first time in Soviet literature, representation of a civil inhabitant's life during the period of Nazi occupation.

Keywords: Military prose, occupation, totalitarianism, underground activity, pacifism.

